

18+

Александр Холлин

Золотарь золотого дна и
Петр Великий
ВЗВУКНИ

Александр Холин

**Золотарь золотого
дна и Петр Великий**

«Издательские решения»

Холин А.

Золотарь золотого дна и Петр Великий / А. Холин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602210-2

В романе «царствование» Петра I, вернее, кто занял русский трон? Романовы? Рождение царевича Петруши нигде не записано. Значит, царевич родился в подворотне? Также в романе рассматриваются артефакты — кто из «русских» правителей государством ненавидел его также, как чёрт ненавидит ладан. Мало было на Руси таких правителей, но всё же находились. В данном случае мы имеем возможность рассмотреть двух правителей Государством Российским. И встаёт вопрос: кто же из них ненавидел Русь больше?

ISBN 978-5-00-602210-2

© Холин А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Холин	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Золотарь золотого дна и Петр Великий

Александр Холин

© Александр Холин, 2023

ISBN 978-5-0060-2210-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Холин

Золотарь золотого дна и Петр йикилев

(криптографическая история
Российского (с) быта)

Санкт-Петербург

В романе рассматриваются исторические события «царствования» Петра I, вернее того, кто правил в тот период времени. А кто же всё-таки занял русский трон? Романовы? Или царь Алексей Михайлович был последним царствующим из этого рода? Ведь рождение его «сына», царевича Петруши, не записано ни в одной русской церковной метрической книге. Значит, царевич родился в подворотне? Также в романе рассматриваются другие артефакты, относящиеся к более поздней эпохе. Русские – дерево без корней. Если корней нет – дерево гнивает. Время становления двух персонажей показано для того, чтобы читатель мог задать себе вопрос: кто же из них ненавидел Русь больше? И не похожа ли «слава» Петра I на большой мыльный пузырь?

Все события, живые и мёртвые персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями случайно. Содержание книги ни в коем случае не направлено на разжигание межнациональной, исторической и религиозной неприязни.

Даже если это точная реконструкция реальных событий, и имя с фамилией совпадают. Эта формула должна распространяться на любое художественное произведение и обсуждению не подлежит.

Автор просит не искать каких-либо намёков на исторические факты и не считать, что автор не уважает своих героев и читателей. Совпадения и случайности – это маски закономерности, которые прячут лицо. Иначе игра жизни потеряла бы львиную долю адреналина.

«Кровью захлебнётся тот, кто усомнится в нашем миролюбии, ибо милосердие наше беспощадно».

Борец за счастье народа

«Всему своё время, и время каждой вещи под небом. Время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий».

Соломон

«У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы – Россию».

Фридрих Энгельс

От автора

Наша история отнюдь не панегирик к драме Максима Горького «На дне» и не продолжение «Собачьего сердца» Михаила Булгакова. Хотя нет, то, что изложено здесь, именно продолжение и освещение под неожиданным ракурсом истории Государства Российского, попавшего в начале XX века в немытые лапы иудо-немецких архантропов¹. Но всё начиналось намного

¹ Архантроп – (хомо-сапиенс неандерталиенс – прашур архантропа), обладает инстинктом алчного хищника, самой упро-

раньше, скажем, во времена Алексея Михайловича Тишайшего (Романова). Известно, что мировому масонскому правительству Великая Русь всегда была как кость в горле. Поэтому холодная война никогда не утихнет до полного истребления последнего русского.

Почему холодная? Очень просто: все иностранные нелюди не раз убеждались, что Русское Государство никогда не победить силой, то есть любые горячие ситуации только разжигали воинский дух русского воина и не обещали врагу ничего хорошего. Достаточно вспомнить слова первого русского казака князя Святослава Игоревича «мёртвые сраму не имут!», которые он произнес в 970 году в обращении к своим воинам перед сражением с византийцами под городом Доростол. Известно, что тогда Святослав впервые за историю победил врага, превосходящего численностью в десять раз. То есть на одного русского казака было, как минимум, десять врагов-нелюдей. Но что такое победа? Мудрецы давно говорят, что победы, как таковой, никогда не бывает. Достаточно вернуться во времена Государя Алексея Михайловича, который по благословлению патриарха Никона сжёг живьём половину Руси во главе с протопопом Аввакумом и тремя его сподвижниками. К тому же, в подвалах Боровского монастыря были заморены голодом инокиня Феодора (Морозова), самая богатая боярыня на Руси, плюс её ближайшие родственницы дворянки Данилова и Урусова.

Именно тогда произошёл перелом, и царица Софья Алексеевна попыталась устранить внутри Государства Российского все препятствия для наплывающей с запада оккупации, но этому «светлому» освобождению умов не дано было сбыться полностью. Достаточно спросить у нынешних котлов-учёных: а видел ли кто из них великолепную энциклопедическую книгу История Государства Российского, которую написал великий Михайло Ломоносов?

Признаться, этой книги давно уже не существует, только в Государственных архивах каким-то чудом сохранилось несколько экземпляров. Почему? А потому, что русскую историю должны были создавать и создали истинно русские учёные-патриоты Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер, Г. З. Байер и другие не менее истинные импортные знатоки русской истории и русского языка. Правда, никто из них не знал русского языка, но это уже мелочи, не имеющие к русской истории никакого отношения. Кстати, ещё при жизни Михайло Ломоносова не раз были попытки уничтожения личных исторических архивов русского мыслителя под видом еретических опусов, запрещённых цензурой. Так что уцелевшие архивные экземпляры – настоящее чудо. Хотя, всё равно никаким русским исследователям до этих трудов не добраться. Они есть и будут храниться под семью замками, по крайней мере, пока жива ещё иудео-немецкая оккупация.

Также исчезли исторические труды Татищева, хотя позже они были изданы тем же Миллером, но уже под строгой редакцией... Таким образом, первая версия русской истории была обнаружена именно Миллером... великим... русским... вообще не знающим русского языка.

Самое печальное, что американские архантропы теперь уже не боятся некогда могучей державы. После того, как Мишка Меченный, то есть Михаил Горбачёв подписал на Мальте договор о капитуляции в 1989 году, американские военные стратеги внимательно проследили за уничтожением русского оружия и, не потратив ни одного патрона, выиграли Третью Мировую войну. Примером разоружения российской армии может служить хотя бы та же «Булава», от которой заокеанские масоны дрожали, как чёрт от ладана или всем известную космическую станцию «Мир», очень не нравившуюся Сионистским Штатам Америки. Но на неё пасть разевать не решился даже президент-пропоица Ельцин или, как его прозвали в народе, ЕБН. Всё dokonчил его преемник, ставленник мирового сионизма. Недаром у него даже в самом начале воинской карьеры в Германии появилось первое «погоняло» Окуроч, подаренное сослуживцами. Если кто из армейцев получал неблаговидное прозвище – значило, что человеческий статус этого персонажа ниже плинтуса. Недаром одним из первых откровенных и подлых

предательств по отношению к стране Россия, в послужном списке этого существа числится убийство боевого генерала Льва Рохлина и освобождение из-под стражи американского шпиона Эдмонда Поупа с вручением ему уникальной действующей модели торпеды «Шквал», которая была испытана Сионистскими Штатами Америки на самой неуязвимой подводной лодке «Курск». Именно с гонорара за подводную лодку начинается баснословное обогащение ублюдка, сыгравшего неблаговидную роль антихриста и разрушителя некогда могучей державы. Правда, до этого упомянутый субъект уже умудрился устроить голодомор в Питере, но это с течением времени такие мелочи забываются. Не забыла только депутат Галина Старовойтова, Марина Салье, Анна Политковская, генеральный прокурор Виктор Илюхин, Юрий Буданов, Владислав Листьев и множество, множество других, следы которых можно найти только на кладбищах.

В народе это представляют в таком плане. Буш Старший звонит в Московский Кремль, но далеко не затем, чтобы справиться о том, как поживает кремлядь. Он практически без обиняков задал вопрос наследнику Ельцина:

– Владимир Владимирович, мне хотелось бы узнать...

– Чего изволите, ваше сиятельство, чего изволите, – перебил тот, привычно склоняясь в раболепском поклоне.

– Мы вот тут с товарищами посоветались, – продолжил Буш Старший, – и решили, что ваша станция «Мир» очень мешает нашему космическому проекту. Не хотите ли вы её просто утопить, скажем, в Тихом океане?

– Но как мы будем списывать уникальное и отлично действующее оборудование? – ужаснулся Владимир Владимирович.

– Милостивый государь, – спесиво промолвил Буш Старший, – уж не хотите ли, чтобы я принялся обучать вас общепринятой совдеповской Имитации Бурной Деятельности? Или вам не хватило времени для обучения за время работы в Государственном Разведывательном Управлении? Позвольте напомнить, что именно мы спасли вас от провала во время вашей службы в Германии. Вы тогда, казалось, всё усвоили и потом блестяще провернули работу с затянувшимся спасением «Курска», за что и получили существенное вознаграждение. Что же сейчас? Запомните, вам предстоит закончить довольно сложную задачу по неукоснительному и полному развалу промышленности нынешней России, а затем и по неуклонному уничтожению не нужного населения страны. Или пытаетесь возомнить себя самостоятельным управленцем?

– Ни-ни в коей мере, – чуть заикаясь от полученного нагоняя произнёс наказуемый. – Просто нужно, чтобы не возникло никаких осложнений и сомнений в проделанной работе. Чтобы никто из электората не усомнился в искренности моих убеждений в спасении страны от неминуемого краха.

– Нет ничего легче, – усмехнулся Буш Старший. – Начните со станции «Мир». Отдайте приказ в Центр Управления Полётом о срочном изменении полёта станции, а когда она окажется на дне, можно будет составить очень убедительные акты на списание «устаревшего» оборудования. Или для вас это тоже невыполнимо?

– Никак нет, – с готовностью отозвалась трубка. – Всё будет сделано в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

Исторические факты показывают, что хозяевам нового президента эРЭФии действительно не пришлось беспокоиться. К тому же чуть раньше, в середине 90-х, директор «Росвооружения» Ананьев Е. Н. пустился в открытую продажу русского оружия всем желающим, а больше половины полученных от продаж денег скромно присвоил. Зато американские архантропы включили его (к тому времени единственного русского) в список сорока самых «влиятельных» людей мира. Умопомрачительное богатство других правительственных воров придёт

немного позже, но не принесёт обладателям огромных денег никакой славы, даже из знаменитого Бельведерского клуба россиянского президента попросят удалиться.

Естественно, что простой народ, любуясь на воровскую верхушку, правящую Государством Российским, принялся тоже подворовывать и тут же пропивать украденное. В результате умеющих и желающих работать мужчин и женщин осталось довольно мало. Да и те, кто остался в живых, стараются заниматься торговлей, продавая всё и всех, включая собственные органы, совесть и душу. Странно наблюдать, как за довольно короткое время люди, свято верившие в «союз нерушимый республик свободных», вдруг все превратились в православных воров, с чистой совестью растаскивающих то, что ещё не успели распродать деловые иудеи. Лишь малая толика русских, верящих в воскресение Руси, осталась ютиться в заброшенных подворотнях больших городов, превратившихся в мегаполисы.

Да и среди них мыслящими были только единицы. Большинство же свято верило бесменному жидовскому вождю-президенту и сетовало, дескать, любимого полководца окружают не совсем честные люди, но умный руководитель государством эРэФиИ обязательно выведет всех на чистую воду и поведёт страну в светлое онанистическое... пардон, коммунистическое завтра. Для этого у него есть куча секретных планов и задумок. А до завтра надо немного потерпеть, потуже затянуть поясок и ждать, когда любимый президент обещает переобещать наобещанное.

Право слово, нечего валить на одного всё то плохое, что успело накопиться в нашем чудесном государстве. Например, тот же еврей Ходорковский не сумел выразить благодарность президенту за наворованное добро, вот и получил по заслугам. Нельзя пахана, то есть президента, посылать куда-то, говорить что-то на жидовском матерном сленге, а надо учиться делиться украденным. И, хотя отсидевший за милое хулиганство Ходорковский сразу же удрал из страны наворованных денег и непуганых дураков, у него никто ничего не отбирал, как ничего не отобрали у Сердюкова, Васильевой, Улюкаева, Шамалова и многими другой зарвавшейся и разгулявшейся кремляди. Впрочем, некоторые скажут, что этот роман – очередной художественный вымысел автора, сочиняющего небылицы. Но так это или нет, может проверить каждый, обратясь к доступным архивам. А то, что написано в романе, есть просто художественный вымысел и фантазия – это даже сам автор подтверждает и просит не принимать сочинительства всерьёз.

Глава 1

В жилищном кооперативе артистов петербургского театра «Приют комедиантов», как раз на углу Гороховой и Садовой, обитало много разномастного люда, порой к артистам театра вообще не относящимся. Таким был, например, великий, но пока не признанный художник Алексей Гиляров, такими были и его дружки – Семён Щипаревич, Алёшка Гиркинд, получивший с лёгкой руки дворовых бабушек прозвище «Швондер», и Люда Кадацман. Собственно, Сеня Щипаревич получил нехорошее отношение от пожилых жильцов этого человекика только за то, что ненавязчиво навязывался на обсуждение и даже осуждение за глаза кого-нибудь из местных жителей. «Таки косточки перемыть – это святое!» – утверждал Сеня.

Да, все они жили неподалёку от названного театра в одном из живописных дворикив старого Петербурга, которые можно сравнить разве что с одесскими коммуналками. Ирина не раз видела Семёна, выгуливающего любимого кокер-спаниеля и попутно обсуждающего с кем-нибудь из попавшихся со свободными ушами жителей кооператива очередные наболевшие проблемы. Но в компанию дворовых сплетников Ирочка записываться не спешила. Мало того, питерские дворики Старого города сами являлись своеобразной достопримечательностью Питера: чего стоит хотя бы в нескольких местах облетевшая штукатурка казённого цвета после очередного капитального ремонта или вековечные выбоины асфальта, грозящие достичь глубины Марианской впадины.

В этот раз острый Семёнов взор упал на сиротливую фигуру одинокой женщины, никуда особо не спешащую, значит, готовую выслушать Сенины мудрые мысли.

С той поры, когда Ирочка перебралась в дом артистов из пригородного Мурино, прошло много времени, но в этом кооперативе люди не очень-то старались знакомиться с соседями. То ли время уже было такое, когда каждый житель находил отраду и самоуспокоение, всецело отдаваясь болоту интернета и телящика, то ли ещё что, но народ не спешил наводить знакомство с соседями. Нехорошей плесенью на общей спокойной поверхности творческого болота артистов был только болтливый Сеня и ещё два-три похожих на Щипаревича «рупора истины».

– Простите, можно вас задержать на секундочку? – полувопросительно обратился к ней Семён. – Я часто вас вижу во дворе, но ни разу на собраниях кооператива не встречал.

– Простите, – ехидно передразнила его Ирина. – Я должна ходить на собрания, чтобы обязательно познакомиться с вами?

– Все нет, – смутился Семён. – Я думал, что каждого жителя нашего кооператива интересует благосостояние именно того места, где он проживает. Не зря же наш жилищный кооператив считается образцовым!

– Образцовым? – удивилась Ирина. – В какой же статистической, семитской или рейтинговой палате это отмечено? И чем же не устраивает вас наше образцовое жильё, позвольте узнать?

– Очень даже устраивает, – замахал руками Семён. – Вот только председатель наш выбран, мягко говоря, опрометчиво.

– Ольга Михайловна? – Ирина удивлённо пожала плечами. – Я знаю Богданову давно. Она неплохой балетмейстер. По её рекомендации меня взяли в секцию копирования известных картин, за счёт чего я, в общем-то, и живу. Она помогает одиноким жителям нашего дома, в частности, выбивает для них материальную помощь в соцобеспечении. Где и как Ольга Михайловна вам дорогу перебежала?

– Сразу прослеживается непосещение кооперативных собраний! – парировал Семён. – Если бы вы потрудились посетить хотя бы какое-нибудь последнее собрание, то у вас сразу пропало бы беззаветное доверие к Богдановой. Да и танцовщица она – так себе, право слово. Я свою дочку никогда в её балетный кружок не отдам.

– Знаете, любезный, – оборвала его Ирина. – Вы, вроде бы, мужчина. А чем постоянно занимаетесь? Я вас вижу только как выгуливающего свою собаку и сообщающего тайные мысли на ушко подвернувшимся слушателям. Богданова, конечно, не такая, как известная всем Майя Плисецкая, но я знакома с успехами её учеников, и не вам ей кости мыть. Вы, любезный, сами-то можете похвастаться хоть чем-нибудь? Своей работой? Или «перемывание костей» – ваша истинная работа? А дочку, естественно, вы отправите учиться в Сионистские Штаты Америки. Так? Всё же, не мешало бы вам хоть немного уважать председателя кооператива. Тем более, что Ольга Михайловна вдвое старше вас.

Ирина резко повернулась и направилась к выходу из двора. Но упрямый Семён догнал её и извиняющимся тоном промямлил:

– Таки вы неправильно поняли меня! Ведь нельзя же так – голову с плеч! Лучше приходите сегодня к Алексею Гилярову в шестьдесят первую квартиру. Мы там в семь вечера собираемся. У Алёши даже жены дома не будет.

После такого своднического приглашения Сеня действительно чуть не схлопотал по своей пухлой улыбающейся роже, обрамлённой лохмами чёрных с химической завивкой волос, очень походивших на пейсы. Но его вовремя окликнула какая-то «кооперативная» бабушка, и он, кивнув Ирине, помчался делиться с позвавшей его старушкой свеженькими сплетнями о нашкочившей председательнице этого разномастного человеичника.

– Надо же! – досадливо сплюнула Ира. – Настоящий Союз народных артистов с доставкой гадостей прямо на дом! И каждой натурщице – по рюмочке тройного рома за авантажную работу.

Девушка тут же попыталась выкинуть из головы всякую пошлость, видимо, Щипаревич больше ни на что не способен, кроме этого. Но Семёновы слова почему-то не давали покоя Ирине весь день. Более того, к семи вечера она решила всё же сходить в шестьдесят первую квартиру соседнего дома с тем, чтобы узнать, какие всё-таки революционные маёвки разрастаются в их жилищном хищном кооперативе, как поганки после дождя и сколько верных большевиков готовы свергнуть существующую власть, чтобы вновь идти правильной революционной дорогой к светлому всепобеждающему онанизму..., то есть коммунизму. Тронуть её никто не посмеет, а вот узнать про сборище не помешает. Да и посмотреть на собравшихся стоит, хоть немного познакомиться с проживающими в непростом кооперативе артистов, художников и музыкантов.

На звонок дверь почти сразу же открылась. Ирину впустил в квартиру сам хозяин. Его девушка никак не могла припомнить, хотя жили в одном кооперативе и в соседних домах. Уж такое наше время, что, порой люди не ведают, кто живёт с ними на одной лестничной площадке, а тут в соседнем доме! Конечно, Ирочке некогда было разглядывать соседей из-за своих важных дел или ещё чего-то такого. Гиляров приветливо улыбнулся и пригласил пройти в комнату.

Ирина чуть задержалась в прихожей, и неудивительно. Хозяин превратил свою двухкомнатную квартиру в однокомнатную, убрав лишнюю, как ему казалось, перегородку. Но квартира сразу стала нестандартной, необычной и просторной. Возможно художнику, если Алексей был настоящим художником, это было как раз необходимо. Хотя полёт мысли нельзя запечатать ни в какие рамки, а тем более квартирные, но, может, творческому человеку расширение замкнутого пространства потребовалось для работы, кто знает?

В углу зала у глухой стенки примостился стандартный раскладной диван, а второй, но уже не раскладной, зато карельской берёзы, занимал место у другой стены. Меж ними стояли разные помпезного вида кресла и стулья, расставленные, видимо, для гостей, которых было не так много. Все они иногда подходили к круглому столу в центре комнаты, на котором красовались разномастные бутерброды, а также блестели стеклянными боками бутылки с «Вазисуб-

ани» и «Киндзмараули». Подходившие к столу пробовали то, что выставил для гостей хозяин, и удалялись с добычей к кому-нибудь из знакомых.

С противоположного конца комнаты к пришедшей гостье устремился улыбающийся толстенький Семён Щипаревич:

– Наконец-то! Как здорово, что вы пришли! Алёша, – обратился он к рядом стоящему Гилярову, – я о ней говорил. Это Ирина Образцова из соседнего дома. Нашего полку прибыло!

– Вы всерьёз полагаете, что я способна воевать в вашем полку? – усмехнулась Ирина. – И может ли хоть какая война доставить радость, ведь в любом сражении неизбежны потери? К тому же история показывает, что ни в одной войне не было истинного победителя.

– Ах, будет вам! – отмахнулся Семён. – Алексей всё объяснит.

Он это делает гораздо лучше, чем я.

С этими словами Семён ретировался в другой угол вместительной комнаты, где несколько присутствующих дам отнеслись к нему более благосклонно. Это было заметно хотя бы по тому, как улыбались дамочки, готовя уши под Семёнову словесную лапшу.

– Не принимайте близко к сердцу его болтовню, – Алексей махнул в сторону Семёна рукой. – Иногда он такого может нагородить, что сам потом не разберётся, что правда, а что наплёл, но вовсе не со злости.

– Значит, он всё сочинил про Ольгу Михайловну и заманил меня сюда, как муху, прилетевшую на мёд? – обиделась Ирина.

– В общем-то, вы пришли не зря, потому что власть в кооперативе надо брать в свои руки, – попытался успокоить гостью хозяин.

– В чьи свои? – попыталась уточнить Ирина.

– Я в двух словах объясню сейчас положение вещей и, думаю, вы со мной согласитесь. Дело в том, что, когда СССР уже готовился почить в Бозе, государство с лёгкой руки Горбачёва, а за ним и Ельцина, разрешило открывать кооперативную торговлю, что позволило в свободном пространстве на первых этажах вашего дома открыть множество маленьких магазинчиков.

– Ну и что? – пожалала плечами Ира. – Там один из залов принадлежит даже Зурабу Церетели. Неужели плохо, когда художник может спокойно продавать свои работы? Вспомните «Бульдозерную выставку» в Москве, когда работы русских художников смели железными бульдозерами! Вы хотите вернуть Совдепию, когда за любое нечаянно сказанное слово человеку грозили пожизненные лагеря, когда без суда и следствия сажали писателей, высылали поэтов и уничтожали музыкантов? Или же мечтаете семенить на поводке у мировой масонской закулисы, где испокон веков разрабатывают планы, как продуктивнее задушить творческую Россию и навсегда избавиться от изобретателей и настоящих учёных? Как лишить молодёжь образования, а стариков медицинского и социального обеспечения? Вспомните, что многоуважаемые масоны сделали с русским императором Павлом Первым в Михайловском замке?

– Во все нет, я отнюдь не за сотрудничество с заграницей. Я тоже художник и ценю свободу творчества, – пытался оправдаться Гиляров. – Здесь дело в другом. Хозяева торговых точек должны вносить арендную плату за пользование принадлежащей нам территорией. Так?

– Допустим...

– Не допустим, а именно так! – рубанул Алексей рукою воздух. – А денег на нужды кооперативного хозяйства не поступает!

Спрашивается, где они?

– Вы хотите сказать, – нахмурилась Ирина. – Вы хотите сказать, что Ольга Михайловна присваивает себе чужие деньги? Вы в своём уме? Я не раз бывала у неё дома и могу засвидетельствовать, что наша председательница живёт более чем скромно.

– Я ничего не имею против Ольги Михайловны, но разобраться в финансовом положении кооператива необходимо! – не сдавался Гиляров.

– Я тоже не против вашего разбирательства, – пожалла плечами Ирина. – Но я-то вам зачем понадобилась?

– Очень просто! Чем больше жильцов будет переходить на нашу сторону, тем быстрее мы сможем привести дом в порядок!

– Прямо-таки в порядок? – усмехнулась Ира. – В истории планеты любой из взявших власть диктаторов сулил народу новый порядок и благоденствие, но это редко у кого получалось. Скажем, всего-то восемь лет назад на Украине, то есть в Укропии, полуграмотные майданутые орали: «Бэндэра придэ, порядок навэдэ!» Ну, и где этот порядок? Правда, и Бендеры тоже нету, но всё-таки.

– У нас получится, – уверенно кивнул Алексей. – Тем более, что наш жилищный кооператив не огромная страна, а всего лишь три дома на углу Гороховой и Садовой.

Кстати, вон за столом мой приятель Алёшка Гиркинд сей час тост произносить будет. Присоединимся?

Ирина не видела смысла отказываться, и Лёша вручил ей стаканчик красного «Киндзмараули». К столу подтянулись другие участники застолья, приготовившись слушать тост.

– У одного грузинского царя, – грассируя, начал Гиркинд, подлаживаясь под кавказский акцент, – было три красавца сына. А у другого грузинского царя была красавица дочь. И вот старший из сыновей первого царя решил жениться на царевне. Но она ему поставила условие: царевич должен на своём коне догнать царевну, обнять её на всём скаку, поцеловать на всём скаку! И только после этого царевич сможет взять её в жёны. Царевич согласился, не сомневаясь, что мужчина должен быть лучшим наездником, чем капризная принцесса. Но его конь оказался намного хуже скакуна принцессы. Царевич даже не смог догнать девушку и его сбросили в пропасть! Повторить попытку брата решил средний царевич. Он долго гнался за царевной на своём аргамаке! Догнал! Обнял! Но не смог поцеловать, и его тоже сбросили в пропасть. Потом решил жениться на царевне самый младший царевич! Он также долго гнался за прекрасной наездницей на своём ахалтекинце, обнял на всём скаку, поцеловал на всём скаку, но его тоже сбросили в пропасть! А за что?! За компанию!

Так выпьем же за компанию, дорогие!

– За компанию грех не выпить! – поддержала его Ирина.

– Поднимем бокал за Алексея – нашего замечательного сподвижника! – подхватил Гиляров.

Гиркинд изящно поклонился поддержавшим его собутыльникам, и вскоре подошёл к Гилярову с Ириной высказать своё алаверды.

– Благодарю вас за благосклонное отношение, – расшаркался он перед Ирой. – Очень рад, что вы присоединились к нам, ибо тот, кто не умеет собирать купоны с торговцев шерстью, а заодно и с доверившихся жителей, достоин осмеяния.

– Вот как? – Ирина с нескрываемым удивлением посмотрела на нового знакомого. – И как же вы собираетесь стричь свои купоны? То есть сбивать шерсть с доверчивых жителей?

– Всё очень просто, – не растерялся тот. – Давно уже один из наших бывших вождей произнёс золотые слова: «Цели наши ясны! Задачи определены! За работу, товарищи!».²

– Любопытно, – хмыкнула Ирина. – Из вас, любезный, очень неплохой товарищ Швондер получится! Читали «Собачье сердце» Булгакова? А экранизацию помните? Там Роман Карцев здорово вас спародировал. Посмотрите фильм на досуге, никогда не помешает знать, кто вы и как выглядите.

Прямое высказывание Ирины вызвало смех даже у близких друзей Алексея Гиркинда, за которым прозвище Швондер с той поры и укрепилось.

² Н. С. Хрущёв. Из речи на XX съезде КПСС.

– Простите, а вы не родственник нашумевшему вояке Игорю Всеволодовичу Стрелкову? – задала Ира мучивший её вопрос.

– Вы хотели сказать – Игорю Ивановичу?

– Он такой же Иванович, как я – китайский император, – хмыкнула Ирина. – Настоящее его имя – Гиркинд Игорь Всеволодович. А вот зачем определённая диаспора меняет свои фамилии на другие – вопрос столетней давности.

На это Гиркинду нечего было ответить, но от родства с Игорем Стрелковым он отпирался с завидным рвением.

Впрочем, вечер получился довольно гламурный, тем более, что Гиляров познакомил Ирочку с довольно серьёзным юристом Медведевым Риммом Ивановичем. Девушка не знала, какой это человек в обычной бытовой жизни, но как специалист Римм Иванович произвёл на Ирину огромное впечатление.

Он был профессионалом своего дела и обрисовал положение кооператива довольно понятно и живописно, так что девушка без труда поверила ему.

Мало ли что говорил Гиляров с друзьями, но когда профессионал, не особо скрывая, выложил перед жительницей кооператива весь юридический расклад хозяйственных дел, Ира просто поразились способности этого человека видеть почти неприметные вещи и замечать незамечаемое. К тому же адвокат обрисовал положение вещей вовсе не в пользу Алёши Швондера и Гилярова. Скорее всего, с точностью до наоборот.

– Я вижу, вы несколько обескуражены моими умозаключениями, – отметил Римм Иванович. – Это бывает. Просто я часто говорю вслух то, о чём многие только догадываются и боятся произнести очевидные вещи.

– Например? – лукаво перебила его Ирина.

– Легко, – отозвался юрист. – Ярким примером может послужить вся деятельность нашего президента и его гоп-компании. Ведь любой государственный деятель должен трудиться на благо своего государства и увеличивать народное достояние. Так?

– Так, – неуверенно кивнула Ирина.

– Что же мы видим в действительности? Промышленность почти вся уничтожена, сельское хозяйство изначально сельскохозяйственной страны на ладан дышит, образование молодого поколения сведено к позорному минимуму, а военная мощь некогда очень сильной державы переформатирована в Росгвардию, которая выучена сражаться только с безоружным населением и разгонять демонстрации. И тут на память приходит высказывание одного ярого противника Государства Российского:

«Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду

народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... Окончится война, всё как-то утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем, – всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов»³.

Спрашивается: почему иллюзорные планы нашего врага вдруг превратились в сущие реалии? Уж не является ли россиянская кремлядь коллективным агентом Госдепа Сионистских Штатов Америки?

– Ну вы даёте! – восхищение Ирины было искренним, потому как она ни разу не слышала таких смелых высказываний. И, судя по всему, Римм Иванович не скрывал своих взглядов в различных слоях общества. Но за это ему почему-то никаких порицаний не было.

Римма Ивановича пригласили в гости тоже только затем, чтобы заручиться помощью блестящего адвоката в своём лагере. Только этим наполеоновским замыслом, похоже, не суждено было сбыться. Начавшееся знакомство с юристом нарушил тот же Лёша Гиляров, стремившийся познакомить Иру с другими выдающимися гостями. Второй знаменитой личностью оказался Герман Агеев, широко известный в узких кругах экстрасенс.

– Я тут краем уха услышал, как наш юрист просвещает вас на тему политики, – начал Герман, предварительно раскланявшись.

– Вы ошибаетесь, – улыбнулась Ирина, – я политикой вообще не интересуюсь.

– Разве? – хмыкнул Агеев. – Кажется, любой поступок человека в обществе – это есть выражение политики жизни. Ещё наши предки говорили, «если ты не интересуешься политикой, то она обязательно заинтересует тебя». Не слышали? Но это, как я вижу, не столь важно для некоторых, как хотелось бы, а зря!

– Почему? – искренне удивилась Ирина.

– Очень просто! – глаза Германа Агеева засветились лукавинкой. – Вы когда-нибудь анализировали поступки власть имущих в какой-нибудь отдельной стране? В данном случае нам легче всего обратиться к истории Государства Российского.

Скажем, вы задавались вопросом о развитии нашей страны сейчас и в прошлые времена? Ведь не по простому щучьему велению в любом обществе, стране, народе происходит что-то, я не боюсь этого слова, сверхъестественное. Любой царь, диктатор, президент или император в первую очередь сталкивается с самыми необъяснимыми вещами, о которых всегда принято не говорить много, то есть замалчивать истину. Скажем, в том же Государстве Российском существовали трамваи, основой движения у которых было электричество, неизвестно как поступающее в двигатель. Ни проводов, развешанных на столбах, ни электрических рельсов, как в метро, не было. К тому же в вашем прекрасном городе Питере существуют уникальные произведения искусства, выточенные, яко бы, полупьяными резчиками по камню ручным способом, хотя существуют уже научные заключения различных экспертиз, подтверждающие, что вручную такая работа не может быть выполнена. Мистика? Вот то-то и оно.

Надо сказать, Ирина с детства очень интересовалась мистикой, магией и астрологией, поэтому новый знакомый сразу же отвлек девушку от правовых юридических и политических прав рассказами о летающих тарелках, то есть, неопознанных летающих объектах и всякой прилагаемой к ним фурнитуре. Причём именно из-за присутствия этих двух неопишуемых

³ Даллес, Аллен. Тайная капитуляция. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. ISBN 5-9524-1410-9.

личностей вечер удался на славу. Во всяком случае, Ирочка была очень довольна, что подда-лась на уговоры Щипаревича посетить вечерний сейшн, хотя в ряды борцунов с руководством кооператива вставать не собиралась.

Более того, Алексей Гиляров ненавязчиво напросился в провожатые, хотя идти было недалеко, а эти проводы неожиданно закончились утренним чаепитием в квартире Ирины. Много позже девушка просто не могла найти оправданий за вспыхнувшую мимолётную связь. Себя она успокаивала только одним, что нет-де женщин несговорчивых, есть только те, кто уговаривать не умеет. Ира была искренне уверена: связь с Алексеем не может быть продолжительной, тем более у этого откровенного ловеласа имелась законная жена – Марина Суслова.

Перед Ириной Алёшка рассыпался бисером и давил на жалость, мол, жена-поморка не любит, издевается, к тому же плоская, как беломорская камбала, и давно уже пора разве-стись, но... Вот это «но» и объяснило девушке недолговечность связи с залетевшим к ней в постель лохматым шмельём, который прилетает только на душистый хмель, а потом удирает, как цапля серая в камыши.

От беспощадной действительности не скроешься, как ни крути, как ни отмахивайся, хотя стоит ли отмахиваться от совершённого поступка? Если ты получил через случившееся какой-то урок, послуживший отметиной будущих шагов, то это

твоя структура, твой жизненный путь, по которому пройдёшь только ты. И только ты, оставляя на пути попутные вехи, сможешь сделать когда-то свой выбор, то есть найти настоящего спутника жизни. Жаль, искать приходится чуть ли не всю сознательную жизнь, ведь наст=оящая любовь так редко приходит сразу и навсегда. Большой частью получается наоборот.

К тому же, многие представительницы слабого пола соглашаются на такие отношения, которые принимают форму инертной жизни, диктующей сермяжную безысходность. Жен-щина, как правило, живёт надеждой, верой в любовь и спешащую к ней радость. Но что может хорошего получиться из половинчатого мужчины, когда он не холоден, не горяч с женщинами, да и в творческом отношении – сушая бездарь?!

Ирочкин, теперь уже официальный «морганатический»⁴ муж Алексей Гиляров, всегда знал, как нужно поступать в той или иной ситуации, знал вообще, как нужно жить на этом свете, был безоговорочно прав во всём. Но поступал почему-то наоборот своим мудрым советам. Если честно, это состояние свойственно почти каждому россиянину: не ищущи возможности, чтобы что-то сотворить, а ищущи причину, чтобы ничего не делать, к тому же надо обязательно найти стрелочника, на которого можно беспрепятственно свалить все свои грехи и подленькое отношение к людям.

Вдобавок Гиляров для себя решил, будто получил власть над ещё одной покорённой жен-щиной, и постоянно пытался вогнать Ирину в какие-то дурацкие рамки с соответствующими понятиями о жизни. Только человек ведь – не робот, даже самый маленький, и перестраивать его по-своему, ограничивать какими-то идиотскими рамками, если даже кажется, что это очень хорошо и единственно правильно – просто преступление перед Богом.

Единственное, что ещё удерживало девушку рядом с пред сказуемым человеком – выду-манная и сочинённая ей самой надежда: дескать, если произошла встреча, то это вовсе не слу-чайно, и случайностей вообще не бывает! Может быть, у одиноких женщин появляются такие мысли, и они чаще всего соглашаются на этакое создание семьи с приходящим раз или два в неделю «морганатическим» мужем. Ирина являлась потомком славного дворянского рода,

⁴ Морганатический брак (слово «морганатический» неясного происхождения, по одной из версий, от нем. Morgengabe – утренний подарок мужа новобрачной) – брак между персонами неравного положения, при котором супруг (или супруга) более низкого положения не получает в результате этого брака такое же высокое социальное положение.

именно поэтому была слишком разборчивой, а более умудрённых жизнью родителей, могущих дать девочке совет о появившемся поклоннике, рядом уже не было. Да и подруг, с которыми можно пощебетать о накативших проблемах, у неё практически не осталось. А тут, как набежавшая морская волна, возник этот художник! К тому же, анализируя первую ночь, Ирина хотела сразу же прекратить с ним всякие отношения, но... почему-то произошла вторая встреча, третья... Девушка могла сравнить себя с путником в пустыне, который после долгой жажды добрёл всё-таки до спасительного оазиса. Ах, всё так, конечно, но разве человеческая жизнь состоит только из этого?

Связь с Алексеем Гиляровым, несмотря ни на что, продлилась больше месяца, и он сам бросил Ирину, когда узнал, что скоро может стать отцом. К счастью, предположение женщины оказалось неверным, но сбежавший художник так этого и не узнал.

Глава 2

Этот двор среди сотен других проходных запутанных дворишков старинной и странной городской архитектуры мало чем отличался от других. Такие же обшарпанные стены, выкрашенные в цвета казённой неожиданности, такие же глубокие выбоины в асфальтовом покрытии. Но в его глубине был уголок, предназначенный явно не для хозяйшек, вяжущих носки и свитера на скамеечках возле подъездов. Это было сакральное место местных жителей, которые среди множества городских дворов-колодцев нашли удивительный закуток, где вдали от шума городского можно было просто отдохнуть.

Собственно, этот уголок сотворили сами жители Баскова переулка, 12, где за кустами и парой берёз раньше был сколочен столик для забивания «козла» пожилыми и серьёзными обитателями двора. Но стараниями тех же хозяйшек стол оказался разобраным, распиленным – в общем, разрушенным до основания, а затем... а затем уже никто в этом уголке уединения не стал ничего сколачивать для построения нового коммунистического будущего и всемирной победы существующего материалистического разума. Но на пеньках, оставшихся от стола, и валяющемся возле стены бревне, стали собираться местные пацаны из этого и соседних дворов. У молодого поколения это место быстро нашло применение: здесь никто не мешал поиграть в «пристенок», тайком от взрослых покурить и даже выпить «три семёрки», портвейна, который считался у пацанов достижением ума и развития. Вот только редко эта винная удача перепадала на душу подрастающего поколения, но уголок считался поистине шпанским.

На дворе уже всю царствовала осень, хоть листья на берёзах и окружающих кустах ещё не думали желтеть, но каждый утренний бриз с моря приносил запах ни с чем не сравнимый запах осени. В это время большинство ребят ещё учились в 193-й школе, которая находилась за два квартала от этого места, и в шпанском уголке прятались либо беспросветные прогульщики, либо те, кто учился во вторую смену, либо вовсе в школу не ходящие. Не посещающих школу было мало, но именно они вызывали у всех пацанов беспричинное уважение, потому как это считалось не бывалой смелостью.

В этот раз из местных пацанов там никого не было, лишь один насуспенный мальчик небольшого росточка приютился в заветных «куцах» на валяющемся возле стены брёвнышке. То ли он удрал из школы с продлёнки, то ли совсем не ходил на занятия, но это вряд ли, потому что нигде в обозримом пространстве его школьного портфеля не было видно.

Самое интересное, что вдруг из двора сюда протиснулся какой-то мужик с отнюдь не школьным кожаным портфелем, велюровой серой шляпе и такого же цвета пиджаке с карманами. Но брюки, выглядывающие из-под пиджака, были чёрного цвета, что немного успокаивало, ибо приютившийся на брёвнышке пацан не терпел ничего светлого и вызывающего.

– Зодорво бывал, – приветствовал мальчика вновь прибывший.

– Здоровее видали, – отозвался тот и снова насутился.

– Ты чего надулся, как мышь на крупу? – спросил незнакомец, присаживаясь рядом на брёвнышко. – Или в «чику»⁵ продул?

– Продуешь тут, – буркнул мальчик и отвернулся. Потом снова повернулся к собеседнику и добавил:

– Ты, дядя, Косого не знаешь. Он сука-блин всех обыгрывает...

Но в следующее мгновение мальчик замолчал и даже отодвинулся от нового знакомого, потому что тот заразительно захохотал. Школьник смотрел на него, как на свихнувшегося в одночасье идиота и даже в глазах его проскользнула искорка откровенного испуга. Нельзя сказать, что малой был не из трусливых – как раз наоборот, но на всякий случай его клетчатая

⁵ Чика, пристенок – денежные игры детворы с 30-х по 90-е в России.

синяя рубашка была заправлена в шаровары, подпоясанные солдатским ремнём с увесистой пряжкой. Только снять ремень и намотать на руку пацан опять-таки не решился.

Меж тем мужчина, отсмеявшись, повернулся лицом к мальчику и произнёс довольно благожелательным тоном:

– Ты меня извини, но насмешил – дальше некуда!

– А чё я такого сказал?

– Да нет, ничего особенного, Володя, – мужчина даже картинно вытер слёзы таким же клетчатым синим платком, какой была рубашка у его молодого собеседника. – Просто ты обругал Косырева Валентина так смачно, что ему, наверное, даже икнулось в это время.

– А откуда вы знаете как меня зовут? – насторожился пацан. – И Косого тоже? Я сказал его погоняло, но по имени не называл.

– Ах, юноша! – отмахнулся мужчина. – Что значит твоё имя? Пустой звук. Но если ты кого-нибудь послал подальше, да вдогонку ещё десятиэтажную матерщину приложил – это уже поступок. Вот тут ты сразу становишься личностью. Вот я, например, могу ругаться в господа-бога-святителя, крестителя и его заместителя; в гроба-горла-шесть-бутылок, свата-брата акробата, семь гвоздей и кружку пива и блатного крокодила в азбуку морзю... – Вот это да! – восхитился пацан.

– Что, нравится? Слова списать?

– Ага, – кивнул мальчуган.

– Да ты сам очень скоро сможешь сочинять такое, что сначала получишь уважение во всём районе, а затем и в городе – многозначительно сказал новый знакомый. – Важно не уставать материться и втыкать матерок после каждого слова. Тогда все пацаны начнут понимать, что ты – не простой и что никогда никакому зачуханному руки не подашь. Это всегда вызывает уважение даже у взрослых пацанов. Вот я ругался, но ни слова матом не сказал, а если добавить матерок, то всё ништяк будет.

Давай-ка это дело перекурим.

Незнакомец достал из кармана пиджака начатую пачку американских сигарет Marlboro и открыл, предлагая закурить пацану. Тот от неожиданности даже икнул. Ведь в Советском Союзе можно было всё увидеть и попробовать, кроме американских сигарет, виски, джинсов и фильмов.

– А две сигареты можно? – осмелился спросить парень.

– Для себя и для того парня? – вопросом на вопрос ответил его собеседник. – Можно. Даже нужно. Собственно, бери себе всю пачку, угостишь друзей и получишь положенное уважение и зависть.

Следующие несколько минут прошли в наслаждении американским куревом, будто слаще заветных импортных сигарет ничего в подлунном мире не существовало.

– Дядя, а скажите, – Вова из почтения даже переключился на «вы», – скажите, откуда вы всё-таки узнали имена: моё и Косого?

– Не всё так просто, мальчик мой, – улыбнулся мужчина. – Ну и не всё так сложно. Ты слышал когда-нибудь о Марdle⁶?

– Нет. А что это такое?

– Знаешь, лучше я тебе покажу, чем стану рассказывать, – хмыкнул мужчина. – Просто так ты лучше поймёшь и согласишься, что со мной дружить можно и нужно.

С этими словами пришлый незнакомец потянулся к своему портфелю, который лежал тут же на краю бревна, открыл его и начал рыться в глубоких портфельных закромах. Но всё же нашёл, что искал, и пацан увидел в руках мужчины прозрачно-хрустальный шар, величиной

⁶ Мардла, кристальный шар древности, он же «сфера», «глобус», «магический кристалл», «камень видения», «зерцало». Согласно постулатам прозападной лживой истории, этих предметов не должно существовать.

с довольно крупное яблоко, опоясанный несколькими металлическими кольцами с выгравированными на металлических боках письменами.

Мужчина отложил в сторону портфель, привстал, сделал шаг к одному из пеньков, оставшихся от спиленного стола, и положил на него свой хрустальный шар.

– Ну, юноша, что вы желаете увидеть: своё прошлое или будущее?

– А настоящее можно?

– Легко! – улыбнулся незнакомец. – Только ты обязан прочитать те слова, которые выгравированы на металлических полосах, опоясывающих шар.

– Я не знаю этого языка, – попытался возразить пацан, но в следующее мгновение увидел явно прорисовавшиеся буквы русского алфавита. Правда, слова были ему неизвестны

и составляли собой какую-то сплошную абракадабру. Несмотря на то, что Вовка столкнулся с чем-то неизведанным, он смог собраться и вслух прочитать:

– Айе, сарайе, тетровискуле, меробисанге...

После этих, казалось бы, безобидных слов поверхность шара на мгновение замутилась, но потом вновь стала прозрачной, и малец увидел в нём крохотное изображение своей матери, одетой в красное габардиновое платье, поверх которого был накинут синий служебный халат. Она делала уборку в кабинете своего начальника. Это можно было определить по обстановке самого кабинета: напротив входной двери стоял массивный письменный стол, покрытый зелёным сукном, в глубине на стене висели несколько портретов членов правительства и вездесущий портрет Ленина, только этот был помещён в довольно дорогую золочёную раму. На столе стоял массивный чернильный прибор из чёрного мрамора, рядом с которым приютилось пресс-папье тоже чёрного цвета, но из какого-то другого камня. С левой стороны на столе стояли целых два чёрных телефона, что свидетельствовало о высоком положении хозяина этого кабинета. Возле окна разместилось небольшое канапе, а у стены стоял большой кожаный диван и тоже чёрного цвета.

Женщина проводила привычную для неё уборку кабинета во время отсутствия начальства. Но в это время входная дверь неожиданно открылась и в кабинет деловой офицерской походкой вошёл хозяин кабинета, одетый в мундир «а-ля Сталин» и высокие хромовые сапоги. Он обернулся в сторону уборщицы и что-то сказал ей, но слов не было слышно. Женщина ответила, отставила к стене швабру с ведром и подошла к письменному столу. Хозяин обернулся к ней, протянул руку и рывком привлёк женщину к себе. Та даже не сопротивлялась, только сняла с правой руки кольцо и положила на зелёное сукно стола.

Хозяин нетерпеливо стал сдирать с женщины служебный синий халат и под ним красивое красное платье, где по подолу вилось оригинальное белое кружево, скинул свой китель и потащил жертву на диван, срывая с неё остальную, уже не нужную никому одежду... Видно было, что женщина даже с удовольствием воспринимала такое «насилие», если это вообще можно назвать насилием.

Вовка впервые видел, где с кем и как работает его мать. Он знал, что она уборщица в каком-то государственном муниципалитете, но не знал где. При том он раньше удивлялся, что мать одевается на работу, как на праздник, но даже отчим сказал, что женщина всегда должна «выглядеть», независимо от того, где и кем она работает. Может быть, в этих словах было чуточку правды, но Вовка сам сегодня увидел, для кого надевает мама красивые платья. Он сразу же покосился на свои единственные штаны – латанные-перелатанные, но снова поднял голову и уставился в шар.

– Хочешь, я достану оттуда кольцо твоей названной матери? – неожиданно прозвучал голос незнакомого мужчины. – Нужно только твоё личное согласие.

– Кольцо с александритом? И почему названной? – переспросил Володя. – Это колечко подарил матери мой отчим в день, когда они расписались. Она очень дорожит этим колечком. Да, я согласен. Давай его сюда, если можно.

– Хочешь узнать, почему я твою маму назвал названной? – ухмыльнулся мужчина. – Очень просто. Она вовсе не настоящая твоя мама. Твоя до сих пор живёт в Метехи, где грузинские евреи – эбраели⁷ – занимают очень большой квартал. Помнишь? Очень давно твоя настоящая мама практически отказалась от тебя, а твои нынешние родители искали такого малыша, потому что у них двое своих детей уже умерли, а других по медицинским заключениям уже не должно было быть вообще. Так что твоя нынешняя мама сразу усыновила тебя, а её муж согласился не сразу. Тем более, что брак у них был ещё не зарегистрирован.

Вовка жадно слушал эти семейные тайны, но виду не подавал. Давнишнее грузинское прошлое уже потихоньку начало забываться, но вдруг вернулось и захлестнуло сознание неприятной волной страха: вдруг кто-нибудь ещё узнает про его неприятное прошлое, как этот незнакомый мужик? Он меж тем продолжал наблюдать беззвучное совокупление взрослых, тем более, что до сих пор видел голых баб только на игральных картах у крутых пацанов.

– Ну, пожмём друг другу руки, раз уж мы стали друзьями? – незнакомец протянул Володе свою руку для пожатия, и тот чисто механически пожал её, увлечённый эротическим «фильмом» в шаре, заодно прокручивая в голове сказанное новым приятелем. Но, почувствовав, что незнакомец руки не отпускает, Вовка постарался вырвать свою ручонку из крепкой руки мужчины, только у него ничего не получилось. Тогда Володя непроизвольно взглянул в лицо своего нового друга и ужаснулся: на мальчика глядела и улыбалась морда козла. Вот только рогов у этого существа не наблюдалось. Впрочем, если рожки были небольшие, их могла скрывать модная велюровая шляпа, что красовалась на голове незнакомца.

– Вот и отлично! – снова улыбнулся мужчина и отпустил руку мальчика. – Теперь мы стали настоящими друзьями, а чего только не сделаешь для друзей?! Кстати, меня зовут Герман Агеев. Но ты можешь просто называть меня дядей Германом.

С этими словами мужчина протянул левую руку к лежащей на пеньке Мардле, произвёл какой-то пас пальцами, после чего в глазах у мальчика потемнело. Но, встряхнув голову, он снова увидел своего нового знакомого и шар, лежащий всё там же, но никаких изображений внутри шара уже не наблюдалось. Он был таким же хрустально-чистым и прозрачным, как вначале. Только у Германа в ладони лежало то самое мамино колечко, которое она сняла перед... перед совокуплением с начальником.

– Вот то, что ты хотел, – мужчина протянул Володе кольцо. – Распоряжайся им, как хочешь: можешь вернуть матери, объяснив, что она его просто забыла дома, а можешь использовать по своему хотению. Только не советую сейчас выяснять своё истинное происхождение. И вообще, очень скоро всё изменится – многое и многие будут выстраиваться по твоим планам.

– Это чё, как по-щучьему велению, что ли?

– Не совсем так, но где-то около того, – улыбнулся Герман. – Ведь мы же друзья... Значит, с моей стороны всегда будет помощь, если нужно. Надеюсь, с твоей тоже.

– Но как вы это сделали? – не уставал удивляться Володя. – Откуда вам известно моё происхождение? И кольцо действительно... мамино? Пряма-таки магия, которой не существует?

– Ах, не стоит это такого удивления и внимания, – отмахнулся Герман. – В некоторых кругах подобные явления называют просто трансцендентным перемещением материала из одной точки в другую. Некоторые коты-учёные даже научные труды по этому поводу написали. Но всё гораздо проще.

⁷ Самоназвание грузинских евреев – **эбраели**. Данный этноним общепринят в современной грузинской речи и литературном языке. В древнегрузинском был распространён *huria* (общий с современным армянским *herea*). ... Современные грузинские евреи его недолюбливают, предпочитая «**эбраели**» и «**исраэли**».

– Я бы не сказал, возразил мальчик.

Глаза его сверкали восхищением. По сути, он был несказанно рад, что подружился с таким могущественным человеком. Может быть, он поможет справиться с Валькой Косым?

– Нет, не помогу, – отозвался на незаданный вопрос Герман. – Не помогу потому, что ты сам должен скручивать пороссячи хвостики у всех врагов. Валентин до сих пор в обиде на родителей, что они дали ему женское имя. По секрету скажу тебе, что он мечтает быть героем, но с таким именем в герои вряд ли выдвинешься. Начни над ним насмехаться. Этим ты заслужишь уважение к себе.

Потом, как бы невзначай, скажи, что ты смог бы помочь ему держать фишку, но для этого надо поддерживать друг друга и не просто, а быть настоящими корешами, которых будет бояться вся окружная шпана. И заведи знакомства со всеми еврейскими мальчиками, которых довольно много живёт в вашем переулке. Пригодится. К тому же, сам ты тоже из этого рода, а от родственников не отказываются.

Надо сказать, что Валька Косырев получил погоняло Косой просто по фамилии, как часто бывало в питерских дворах. Но тем, что он обыгрывал многих в «чику», «очко», «буру» и другие денежно-картёжные игры, удивляло и восхищало всех пацанов. Поначалу Косому стали приписывать шулерство, но поскольку его никто и никогда не мог поймать на передёргивании карт или другом шельмовании, то окружная шпана негласно признала за ним право на выигрыш. Даже по теории вероятности не может один игрок выигрывать вечно, и Косой не перечил этой вероятной теории, то есть проигрывал. Но почти тут же возвращал проигранное назад, да ещё с хорошей маржой в Советском Союзе, как гром среди ясного неба, прогремели Битлы и песни этой англичкой джаз-банды раздавались чуть ли не из каждого утюга, Косой стал отращивать длинные патлы, обзавёлся чёрной рубашкой, на которой вместо пуговиц красовалась великолепная красная шнуровка, а штаны... О, это была отдельная песня с припевом: из плотной парусины в белую и синюю полоску он сшил себе не просто расклешённые брюки, а настоящие «колокола», внизу у которых с внешней стороны красовались встречные складки, скреплённые поверху гламурными золотыми цепями. Стоит ли сомневаться, что много позже Косой первым из питерских блатняков обзаведётся красным пинджаком с карманами и синими спортивными шароварами «Адидас». Естественно, этот же фасон сразу скопировал Вовка. Но это всё будет в будущем, а здесь и сейчас Косой стал ходячей иконой. Особенно это отразилось после того, как ученик Валентин Косырев одним из первых перестал носить школьную форму и явился на занятия не только в своих битловских нарядах, но вдобавок ко всему на ногах у него были надеты настоящие русские лапти с той лишь разницей, что настоящие лапти завязывались длинными лыковыми шнурками, а на этих лаптях красовались металлические пряжки со вставленными в них стразами.

Мальчик почти сразу же был вызван на ковёр к директору, но по каким-то неизвестным причинам начальнику кабинета всё же пришлось закрыть глаза на битломанского школьника «а ля рус». Вероятно, за мальчика заступился довольно влиятельный дядя, тем более он был уважаемым членом сионистского Большого дома на Литейном, но об этом просто умалчивалось.

И никто бы не перебежал дорогу Косому, если бы в их районе, да и вообще в Ленинграде, не был самым почитаемым вор Юра Сидор. Если отметить, что щипари с площади Восстания, с Красногвардейского, Выборгского, Колпинского, Петроградского и других районов безоговорочно несли часть добычи Сидору, значит, ничего не сказать. Юра Сидор не старался быть супермодным битломаном, но по давним воровским традициям носил специфическую кепку, а при улыбке у него сверкала золотая фикса. И всё выходило, как в песне «парень в кепке и зуб золотой». Правда, подсел этот «золотой зуб» как-то раз очень надолго, но пока это будущее не наступило, Юра Сидор держал всю окружную шпану в кулаке и заставлял с собой общаться на «будьте любезны». Вот это Косого больше всего доставало. Какой-то незначущий и неиз-

вестный пацан вдруг подмял под себя чуть ли не полгорода! И это не без помощи иногородцев. В Питере давно уже утвердились тамбовские ребята и все более или менее значимые дела курировались этой серьёзной компанией, в которую входили также одесские еврейские авторитеты. Эта русско-еврейская помесь создавала в Государстве Российском совершенно новую бандитско-воровскую нацию, которая старалась протолкнуть своих представителей во властные структуры всех городов СССР. Но тогда ещё мафиозный строй⁸ не слишком был известен для выходцев социалистического режима.

Тем не менее, потихоньку-полегоньку вся эта структура уже начинала движение: кто надо, где надо и когда надо давил на нужные клавиши. Несмотря на то, что в паспортном режиме появилась «пятая графа»³, в структурах власти ключевые посты всегда занимали евреи. При Сталине еврейскую диаспору в Советском Союзе принялись радикально смещать в сторону, и недалеко было, наверное, полное очищение от еврейской шовинистической партии, но ключевые исполнители на ответственных постах успели нажать нужные клавиши, и народного вождя отравили. К власти пришёл Никита Сергеевич Хрущёв-Перелмутер, но вторую часть своей фамилии он распорядился нигде не упоминать, потому что никто бы ему не поверил, что еврей Перелмутер когда-то был шахтёром. Нет, может быть, он и приезжал к шахтёрам Донбасса только лишь для того, чтобы дать указания, как нужно сажать кукурузу в Донских степях, и всё его «шахтёрское» прошлое на этом заканчивалось.

А во второй столице Государства Российского власть у этой одиозной диаспоры никто не отнимал, да и не стал бы, поэтому новый знакомый Володи конкретно рекомендовал связаться мальчику с отпрысками тех, кто в Питере всегда давил на клавиши. Мальчик слушал его, развесив уши, но всё-таки какой-то червячок сомнения закрался в его грешную душу.

– Откуда вы всё знаете? – не уставал удивляться Вовка. – Будто всю жизнь в нашем доме жили и всё про всех вам откуда-то известно.

– Работа у меня такая, – улыбнулся Герман Агеев. – Кто ж ещё таким обиженным мальчишкам помогать будет? И не вздумай на меня дуться. Ты ведь по жизни трус, я это знаю. Но можно избавиться от таких неприятных черт характера. Я тебе скоро помогу устроиться в кружок «Самбо» и всё сразу изменится. Будешь ты владеть этой борьбой или нет – не важно. Важно то, что ты туда ходил, выступал на соревнованиях и даже ездил на спортивные сборы. Это поможет тебе попасть в институт и окончить его, практически не учась. По-моему, ты сейчас ходишь в 193-ю школу?

– Ну да. Тут совсем рядом.

– Тебе надо будет подойти к физруку и сказать, что ты очень хочешь заниматься «Самбо» или «Дзюдо», что готов на спортивные экзамены и самое главное, что никогда не подведёшь преподавателя и сможешь отстаивать спортивную честь школы где угодно. Понял?

– Понял, – кивнул мальчик. – Но, как говорят, понял, чем старик старуху донял, а физрук пошлёт меня лесом погулять. Он набирает пацанов покрепче. И ещё...

Володя замаялся, и Герман, покосившись на мальчика, ядовито ухмыльнулся.

– Я же говорил, что ты трус, – утвердительно кивнул он. – Но не особо заморачивайся. Главное, всегда старайся ударить первым и удар должен быть таким, чтобы твой противник уже не поднялся. А если на ринге, то при захвате одной рукой, второй попытайся незаметно попасть в кадык противника. Тот сразу начнёт задыхаться и можешь делать с ним, что захочешь.

Вот так она жизнь делается и никак по-другому. Но самое главное, я уже говорил, матерись побольше и сочнее. Этим ты тоже уважение зарабатываешь. А самое главное – тебя будут бояться. Ведь трусов очень много и эти многие будут создавать тебе ауру поклонения. На их фоне ты будешь выглядеть настоящим вождём и, кто знает, может быть, именно это поможет

⁸ В советских паспортах образца 1953—1973 гг. пятым пунктом шло социальное положение (а национальность – третьим); Идиома «пятый пункт» («пятая графа») часто употреблялась для обозначения конкретно еврейской национальности.

тебе в будущем. Скоро сюда придёт Валентин. Решай с ним свои проблемы сразу же. Кстати, очень хорошими помощниками тебе будут Ротенберг и Розенфельд. Запомни эти фамилии. Ну а сейчас я пойду. Дел ещё много, но ты меня сегодня порадовал, Володенька...

С этими словами Герман принялся упаковывать шар Мардлу в бездонный портфель, поднялся и снова протянул мальчику руку. Тот послушно пожал её и опять внимательно посмотрел на лицо мужчины. Видение улыбающегося козла повторилось. Но ни сказать чего-то, ни задержать Агеева вопросами, кружащимися у мальчика в голове, Володя не смог, да и не посмел бы. Его новый знакомый был явно не из тех, с кем можно просто панибратски поболтать.

Герман направился к выходу из двора, а Володя разжал кулак и принялся разглядывать мамино кольцо.

– Ух ты, какое красивое! – вдруг услышал мальчик откуда-то из-за спины.

Оглянувшись, он встретился глазами с жадным взглядом Косого. Он незаметно проскользнул сквозь кусты и увидел, чем любит его знакомый. Но знакомство знакомством, а красивое колечко можно даже заполучить в собственные лапы и зажилить. Вовка, видимо, угадал его мысли и поспешно спрятал колечко в карман.

– Ты чего? – спросил Косой. – Дай позырнуть.

– Дай уехал в Китай, – огрызнулся Вовка. – Слямзил у меня рубль железный, а теперь на хромой козе подъезжаешь?

– Ты же мне его в «чику» проиграл, – пожал плечами Косой.

– Врёшь! – глаза у Вовки сузились и, несмотря на то, что он был ниже на голову и намного худосочней, сжав кулаки, пацан начал наступать на своего обидчика. – Давай лучше вспомним, как тебя мамашка дома кличет? Валечка-Валюнчик? Может, она тебе платя девчоночьи примеряет, пока ты послушный и пушистый? Я ведь всем пацанам могу рассказать про твои домашние приключения.

– Но откуда ты?..

– От верблюда, – перебил его Вовка. – Надо иногда дверь из квартиры не оставлять открытой. А я живу на той же площадке, если не помнишь, и пацаны мне поверят с полпинка, зуб даю!

– Продашь?

– В общем, если не хочешь, чтобы пацаны тебя зачмырили, верни для начала мой рубль, – философски задумавшись сообщил Володя.

– Ну ты и зараза, – проворчал Косой, но полез в карман и с кислой рожей протянул выигранный рубль.

Володя, не веря своим глазам, чуть ли не выхватил заветный рубль из руки приятеля, подкинул его вверх, поймал и сжал кулак:

– Ну, Валентин, орёл или решка?

– Орёл, – наугад сказал Косой.

– Не угадал! – глаза у Вовчика засветились лукавством. – Впрочем, если бы сказал «решка» – тоже не угадал бы.

– Почему?

– Всё очень просто, – Володя разжал кулак и показал монетку. Рубль в кулаке застрял меж пальцами и торчал ребром кверху. – Вот так надо. Я тебя научу, как нужные «орёл» или «решку» выкидывать, а ты меня обучи, как в «чику» монеты замазывать.

Идёт?

– Ну ты ваще клёвый парень. Я даже не ожидал.

Косой не без восхищения поглядывал на Володю, и тот понял, что именно сейчас в его жизни произошёл переломный момент, после которого всё то, что случилось раньше или должно было случиться, покажется нехорошим сном-страшилкой. И это благодаря знакомству с нужным человеком, который сам нашёл его в нужное время.

В жизни каждого человека случаются подобные происшествия, но то ли что-то не получается, как хотелось бы, то ли получается вовсе не как хотелось. А здесь и сейчас всё происходит, как в сказке. И причиной всему, Володя был уверен, послужило всего лишь знакомство с... а кем он всё-таки был этот Герман Агеев, человек ниоткуда? Не всё ли равно?! Главное, что этот новоиспечённый друг пообещал исполнение многих желаний, и эти желания уже начали сбываться! Такая дружба стоит того, чтобы ею дорожить.

А рубль Володе необходимо было вернуть потому, что его отчим Владимир Спиридонов, человек довольно свирепый, какими бывают все неудачники, всю свою свирепость срывал, естественно, на Вовке. Его попросили написать рапорт на демобилизацию в ВМС, где он служил раньше, за какую-то мелкую кражу. После этого Владимир Спиридонов устроился на завод жестянщиком, но воровать не перестал, поэтому их маленькая комната в коммуналке всегда была набита ненужным железом, о которое все спотыкались. Володя пытался высказывать свои возражения по этому поводу, но каждый раз получал хорошую трёпку, которая почти всегда заканчивалась побоями. И на теле мальчика зачастую одни синяки не успевали ещё исчезнуть, как от ремня и кулаков отчима появлялись другие. Мальчик естественно ненавидел этого ублюдка всей душой, но что он мог сделать против грубой мужской силы? Хотя... если верить новому знакомому, то очень скоро Володя станет настоящим самбистом. Но это случится, если случится, опять же, в каком-то далёком будущем, а деньги мальчику нужны были здесь и сейчас. Поэтому он стал подворовывать у отчима мелочь по карманам, а однажды в его старых ботинках обнаружил тайник под стелькой, где была отложена на «чёрный день» фиолетовая двадцатипятирублёвая денежка с профилем Ленина. Это были довольно большие деньги, и трогать их Вовка не решился, а вот когда он в заднем кармане брюк отчима обнаружил нормальный железный рубль, то без стеснения взял его «взаймы», чтобы

хоть что-то выиграть в «чику». Кто ж знал, что Косой обует его на этот рубль с полпинка?

Собственно, подворовывать Вовка стал довольно рано. Даже в школьной раздевалке он вешал своё пальтишко поближе к девчоночьим, потому что у тех частенько в карманах находилась какая-то мелочь, но с миру по нитке, а пацану на разживу хватало. Сейчас же Володю заинтересовало другое. Дядя Герман сказал, что мир завоёвывать надо страхом. Мальчик ещё не ведал, как и что надо делать для этого, но случай с Валькой Косым убедил его в правильности такого совета. Наплевать, что будут говорить одноклассники, учителя и названные родители. Главное, чтобы все боялись Вовкиных высказываний о чём-либо или же боялись потому, что все боятся связываться с этим неадекватным мальчиком. Правильно говорят: хитрости надо учиться у евреев – это тоже отметил дядя Герман, и, надо сказать, посеянные им зёрна упали на благодатную почву.

Глава 3

Ирина долго просыпалась в этот день и вставать ей попросту было лень. Сегодня никуда не надо бежать, никаких дел улаживать и не намечать совершить что-нибудь грандиозное. Или не грандиозное... Значит, можно и поваляться. Тем более, что завтра тоже никуда не надо было спешить и что-то важное или не очень совершать неукоснительно. Но солнечный лучик проник всё-таки сквозь жалюзи. Надо сказать, детство, проведённое в Мурино, приучило девочку к самым разным непогодным явлениям, включая и удивительные белые ночи. Но удивительными они были чаще всего только для туристов, приезжающих в Питер поглазеть достопримечательности города, пройтись по мосту «двенадцати яиц», добрести до Михайловского замка, чтобы на всякий случай посчитать количество букв, записанное на фронтоне, а затем, конечно же, съездить в Петергоф или просто прокатиться на моторной лодке по водам Северной Венеции. Да, именно так чаще всего величали Петербург сами горожане. Ведь нигде во всём мире нет таких уникальных архитектурных произведений посреди водных каналов, как в Южной и Северной Венециях.

Всё-таки надо было вставать. Кому надо – весёлому солнечному лучику или прекрасному летнему дню – неизвестно, только Ирина заставила себя подняться и побрести в ванную почистить пёрышки. Никаких неотложных дел на этот день намечено не было, поэтому Ирочка после завтрака надумала просто прогуляться по городу, тем более, что это ей всегда нравилось. Проходя по улицам с домами в три – четыре этажа можно было поразмышлять о таком принятом в то далёкое время градостроительстве, ведь каждый этаж планировался не менее трёх с половиной метров в высоту и более. Нигде в России таких зданий больше не было, разве что отдельные помещицьи усадьбы строились по таким же архитектурным излишествам и то по примеру Санкт-Петербурга. Причём каждое здание города было ничем не похоже на рядом стоящие. То есть можно было предположить, что во всём старинном Петербурге нельзя было найти

зданий-двойников, как нельзя отыскать одинаковых отпечатков с человеческих пальцев.

Двор встретил Ирину тихим ворчанием голубей, клевавших рассыпанные сердобольными бабушками хлебные крошки и удивительными свежими морскими запахами, которые попутные ветры донесли сюда из Маркизовой лужи. Вероятно, так она стала называться стараниями адмирала де Траверсе или потому, что там никаким морским судам было попросту не пройти – не известно. Но за восточной стороной Финского залива в народе прочно закрепилось это название. Говорили, что Маркизова лужа организовалась не просто так, но почему и когда это произошло – мнения расходились.

Размышляя таким образом, Ирина прошла арку, вышла на улицу, повернула по Гороховой в сторону Адмиралтейства и чуть не налетела на спешащего куда-то парня.

– Ой! – испуганно воскликнула Ирина. – Извините, пожалуйста!

– Нет! Это вы меня извините, – отозвался налетевший на девушку парень. – Я только что купил мороженое и размечтался его уничтожить, поэтому совсем не смотрел себе под ноги.

– И тут под шофёра бросается какая-то пустолайка, – ядовито ухмыльнувшись, отметила Ирина.

Она посмотрела на своего случайного собеседника оценивающим взглядом. Одет он был в стандартные джинсы, кроссовки и шёлковую чёрную рубашку. Такие стандартные, как уже определила Ирина, кроссовки и джинсы носило полгорода, а вот в чёрных шёлковых рубашках щеголял далеко не каждый. Поэтому девушка и уделила ему внимания немного больше, чем следовало.

– Во-первых, здравствуйте, Ирина! – неожиданно произнёс парень. – Во-вторых, примите, как знак извинения, это мороженое. Я для себя его покупал, но с удовольствием жертвую вам.

– Здравствуйте... – рассеянно ответила Ира и машинально взяла в руку протянутое ей мороженое. – А разве мы знакомы?

– Ну, конечно, – хмыкнул парень. – Мы всегда проходим мимо того, на что хоть мимоходом следовало бы обратить внимание.

На вечеринке у Алексея Гилярова с месяц назад вы, мне кажется, обратили внимание на всех и на каждого мужчину, кроме меня. Видать, мордой не вышел или не дорос ещё до настоящего мужчины.

– А чем настоящие мужчины отличаются от обычных? – улыбнулась Ирина.

– Вероятно, от обычных голова болит, а от настоящих – кружится, – парировал её собеседник.

– Я, как женщина, могу подтвердить, что мужчины нам всегда приносят счастье. Только одни своим присутствием, а другие – отсутствием.

– Вот как? – поднял бровь её собеседник. – Тогда позвольте полюбопытствовать насчёт себя: какое чувство у вас возникает при общении со мной?

– Мы пока ещё знакомы без году неделя, – снова улыбнулась

Ирина. Но какое чувство может возникнуть, если для меня вы – ещё нераскрытая книга. Тогда хоть назовитесь как-то, а то мы уже беседуем как старые друзья, а я даже не знаю вашего имени.

– Дмитрий, – коротко представился парень и изобразил что-то вроде офицерского поклона даме сердца.

– Вот как? Имя хорошее, русское. Но соответствует ли оно его владельцу?

– Не знаю, – честно признался парень. – Говорят, что это имя греческого происхождения, в чём я сомневаюсь. Но всё равно должен быть верным, ответственным и никогда не подводить в трудной ситуации, соответственно расшифровке. А вот ваше имя гарантирует хозяйке стремление к чистой возвышенной любви и наличие аналитического ума, в чём я убедился ещё на вечеринке у Гилярова.

– Спасибо.

– А вы кушайте мороженое, кушайте. Не пропадать же подарку.

– Спасибо, – опять повторила Ирина. – «Ленинградское»! Надо сказать, вы с подарком угадали. Я с детства любила «Ленинградское».

– Сейчас доблестное начальство страны, я его называю «кремлядь», грозит изменить название даже нашего любимого мороженого, не говоря уже об остальном.

Кстати, вы просто гуляете или куда-то шли, а я у вас время отнимаю?

– Нет, никуда не спешу.

– У меня тоже сегодня есть остаток свободного времени. И я собрался его употребить для поездки на Котлин. Вы не против составить мне компанию?

– С удовольствием, – согласилась Ирина, уплетая мороженое. – Я была там с экскурсией ещё в школьное время, но, думаю, вам не надо говорить, что такое школьная экскурсия с «правильно» воспитанными экскурсоводами.

– Да уж, сам прошёл через эту гильотину, – хмыкнул Дмитрий. – Мало того, что название острова всегда тупо умалчивалось, дескать, остров всегда назывался Кронштадт и точка. Шаг влево, шаг вправо – считается за побег...

– Вот-вот, – подхватила Ирина, – все усиленно повторяют то, что положено. А что положено, когда и куда – не ответит никто. Но как мы поедем?

– Есть два варианта. Можно поймать такси, а второй – доехать в метро до «Старой Деревни», а оттуда – на автобусе.

– Меня почему-то больше второй вариант устраивает, – нахмурила лоб Ирина. – Просто в автобусе мне с вами, думаю, будет не скушно. Или как?

– А вот там увидим.

На том и порешили. Пока ехали в метро до «Старой Деревни», пока оттуда добирались на автобусе до острова Котлин, Дмитрий старался и выкладывал все свои исторические знания по этому вопросу, начиная с Маркизовой лужи.

– Вы думаете, восточная часть Маркизовой лужи существовала всегда? – задал он вопрос попутчице и сам же на него ответил. – Нет. Именно здесь существовала крепостная стена древнего города, от которой остались только крепость Кронштадт; Форт «Константин»; Форт «Александр I» (Чумный); Форт «Петр I»; Форт «Кроншлот»; Форт «Павел I»; Форт «Милютин»; Южный форт №2 «Дзичканец»; Южный форт №1; Береговой форт «Риф»; Береговой форт «Шанец»; 1-й Северный форт; 2-й Северный форт; 3-й Северный форт; 4-й Северный форт (форт «Зверев»); 5-й Северный форт; 6-й Северный форт; 7-й Северный форт; Форт «Обручев»; Форт «Тотлебен».

Вообще, остров упоминается во многих документах под разными названиями, например, Рычерт, Кеттусари, Риссерт и даже Реттусари. Поэтому нельзя точно определить, откуда пошло его название. Есть интересная гипотеза о том, почему остров Котлин получил своё название. В переводе на русский язык оно обладает значением, близким к слову «котёл», но и это предположение двусмысленно. Вас не удивило, почему я принялся упоминать все существующие форты? Всё просто. Уважаемому Западом царю herru⁹ Питеру не хватило бы десяти жизней, чтобы отстроить такое количество фортов, не говоря уже о городе. Дело в том, что именно в этом месте проходила крепостная стена великого портового города, служащего перевалочным пунктом для русских и иностранных купцов. Потом во время одного из потопов, которые засвидетельствованы изысканиями геологов и археологов, уровень воды Атлантического океана поднялся на семь метров, что в первую очередь сказалось на портовом граде, который назывался тогда по предположениям историков Винета. К тому же Винета и всем известная Венеция – это как два города-близнеца, потому что Винета очень походила на своего южного брата архитектурой многих зданий, изготовлением статуй, которые даже при нынешнем электронном оборудовании и современных станках повторить практически невозможно. Хотя любой экскурсовод уверит вас, что наши «крепостные крестьяне» при помощи только топора, зубила, водки и какой-то матери делали такие вещи, которыми мы – их потомки – можем только восхищаться и восторженно ахать. Что здесь было до Петра, так сказать, «великого», и что осталось – это отдельный вопрос. Если будет интересно, мы к нему обязательно вернёмся. А сейчас хотите послушать мои размышления о нашем городе?

– Конечно!

Ирина произнесла это с таким пафосом, что Дмитрий невольно улыбнулся. Знать, его неприхотливые мысли вслух упали на благодатную почву, и теперь всё, что бы ни сообщил собеседник, окажется для девушки интересным. Именно в такие моменты меж людьми проскакивает та Божья спасительная искра понимания, когда человек начинает просто верить человеку.

Осознав это, Дмитрий продолжил:

⁹ Herr (нем.) – Этот случай как раз и может выдать русского (к счастью, не всегда), говорящего, но не живущего в Германии. Речь идёт не только об армии, это слово – нормальное обращение к лицу мужского пола. К сожалению, русифицированное произношение абсолютно неверно. И дело даже не в исторической замене «х» на «г», тут понять и принять можно. Но вот неправильное употребление в смысле твёрдости-мягкости даёт такой забавный эффект. Дело в том, что в немецком языке слово Herr/господин/ произносится с твёрдым «х» и «проглоченным» «р», примерно как /хэ: а/. А вот наречие her/здесь/ сюда/ можно как раз и произнести мягко – «хе: а».

ВОТ ТАКОЙ ГОРОД.

Старинный город не Петра
и не советского замеса,
где правят ультра-шулера
американских интересов.
О, сколько городу терпеть
пришлось от смут и от войнушек!?
Зарыт землёй почти на треть
от человеческих игрушек.
Мошенник мира – Монферан —
Александрийский столп не делал.
И так вся Русь дрожит от ран.
Земля давно уже вспотела
от всяких евро-панихид
под евро-шекельной войною.
Менора весело горит
над православною страной.
О, Град, жемчужина Руси,
пройдушь по улице Бассейной,
где дождик мелко моросит,
как вздох Прибалтики шутейный.
О, Град, столица из столиц
и ключ к истории истокам.
Познание мира без границ,
или граница всем порокам?
Граница мира без границ
и допетровская громада.
И ленинградцев сотни лиц,
не пересиливших блокаду.
О, сколько храмов на крови!
Но хватит войн, разрух, лишений.
И город знаменем любви
стал для грядущих поколений.

Дима читал негромко, чтобы пассажиры автобуса не обратили внимание, однако впереди сидящий мужчина заметно наострил уши, прислушался, а потом на мгновение оглянулся, чтобы разглядеть декламатора. Ирина тоже посмотрела на Дмитрия и раздумчиво произнесла:

– Такие стихи никого не оставят равнодушным.

– Да нет, наверное, – хмыкнул парень. – Просто размышления о прошлом. Ведь без прошлого нет никакого будущего, как говорил Михаил Васильевич Ломоносов, а каким мы его воспримем – это зависит только от нас.

«Если хочешь своим, иль чужим навредить, постарайся историю их изменить. небывалых героев ты им сочини, настоящих героев забудь, отмени. Через время отроют твои сказки и ложь, всех героев забудут, не ставя и в грош. Похоронишь историю страны навсегда, без фундамента прошлого и нагрянет беда.»

– Это тоже твоё сочинение? – поинтересовалась Ирина.

– Конечно нет! – принялся отнекиваться Дима. – Это русский академик Михаил Васильевич Ломоносов. Только его стихи мало кто помнит. А жаль.

Меж тем автобус с нашими путешественниками свернул с Кольцевой автодороги на Кронштадтское шоссе, проехал мимо Кронверкского канала и высадил пассажиров неда-

леко от жилых домов острова на улице Ленина. Помещение, возле которого остановился автобус, было довольно экзотичное: длинная двухэтажная постройка, напоминающая Гостиный двор в Питере или небольшая его копия с таким же выдвинувшимся козырьком, который подпирали белые колонны. К тому же из этого здания неслась песня, как приветствие вновь прибывшим:

«Разнеслось Государево слово: – Защитим Петербург от угроз! И у юного града Петрова появился надёжный форпост...».

Эта песня действительно подняла настроение вновь прибывшим, тем более, что наши путешественники ехали не одни, а с ними в автобусе приехала какая-то очередная экскурсия.

– Хорошо здесь, – жмурясь, как кошка на солнышке, промурлыкала Ирина.

Морской воздух действительно был чист и свеж, сюда стоило приехать хотя бы только ради того, чтобы просто погулять и отдохнуть.

– Здесь самой главной достопримечательностью считается Морской собор, но мы, если позволишь, сразу пойдём и заглянем в Петровские доки, где строились довольно большие корабли для того времени, – вслух изложил план путешествия Дмитрий. – Не возражаешь?

– Конечно, нет. А где это?

– Самое интересное место начинается справа от Морского собора. Там существует, якобы, вручную выкопанный канал крепостными крестьянами под наблюдением тысячи стрелков Преображенского полка.

– Вручную? – удивилась Ирина.

– А как ты хочешь? – ответил вопросом на вопрос её собеседник. – По заключениям великих русских историков и летописцев Миллера, Шлёцера и Байера в России всё делалось и делается до сих пор только с помощью топора, зубила и какой-то матери, я уже говорил. Кстати, двое из этой троицы даже не знали русского языка, однако переписывали для нас русскую историю до мельчайших деталей. Но никто из нынешних котов-учёных не спросит: а где же «История Государства Российского», написанная самим Ломоносовым? Тут все разводят руками, дескать, сей труд сгорел при одном из пожаров Кремля, хотя Ломоносов никогда не был в Москве. Также сгорели или утонули труды Татищева и других истинно русских историков-летописцев. Зато переписанная масонами история существует поныне и нашим детям вбивают в головы «правду» о татарском иге, об убитом царевиче царём Всея Руси Иваном Васильевичем.

– Да, я помню, – кивнула Ирина. – Ещё в школе нас заставляли «изучать» картину Репина «Иван Грозный убивает своего сына».

– Вот-вот, – подхватил Дмитрий. – Что же ты хочешь, если детей огульно с детства приучают ко лжи? Кстати, когда наши антропологи при вскрытии царского саркофага Ивана Васильевича исследовали останки Государя и его сына, то никаких следов насильственной смерти царевича обнаружено не было. Более того, на останках царя и его сына обнаружено много следов свинца. То есть сам Государь и его сын были отравлены «лучшими друзьями» из любимого заграничного братства сатанистов-иллюминатов.

Беседа, наша парочка подошла к величественному белоснежному Морскому собору. Храм действительно выглядел, как самый древний житель Котлина за счёт неприметных ухищрений древних архитекторов, про которые в более поздние времена строители уже не имели никакого представления. Обойдя храм справа, наши путешественники оказались на берегу искусственного бассейна, существовавшего в своеобразной ванне, выложенной крупными гранитными камнями. Обойдя бассейн справа, наша парочка повернула в сторону и оказалась на берегу довольно глубокого оврага. За ним виднелись очертания длинного канала, заканчивающегося крест-каналом. По дороге их обогнало несколько молодых парней, одетых по-спортивному, но никаких спортивных соревнований здесь просто не могло быть. Вероятно,

это были такие же любопытствующие, пытающиеся своими глазами увидеть и познать секреты истории Государства Российского.

– Представляешь, здешнее строительство каналов утверждено Петром I в 1719 году по новому исчислению, – начал Дмитрий своё экскурсионное повествование. – Для строительства пригнали мужиков из Выборга, Пярну, Москвы и даже из Новгорода. И в это же время строится Петербург, закладывается Петергоф – надо же, практически вся Русь отстраивала эти места за каких-то десять лет. А здесь за первый год планировалось прорыть канал в 180 саженей длины, пятнадцать саженей ширины и две сажени глубины.¹⁰ Но само строительство закончилось в 1752 году, только при Елизавете Петровне. Это уникальное гидротехническое сооружение протянулось более чем на два километра. В нём могло ремонтироваться или собираться сразу до десяти довольно больших морских судов. Но представляешь, вода в передовой Европе из доков, куда якобы ездил учиться Пётр, откачивалась в течение месяца, а здесь, так сказать, осушение корабля приводится за тридцать минут. То есть, как в обычной ванне, открыл пробку – вода вылилась.

– Фантастика! И это все придумал Пётр? – удивилась Ирина.

– А вот здесь сама разберись, – ухмыльнулся Дима. – В этих доках могут собираться до десяти кораблей одновременно. Причём длина корабля исчисляется до ста метров, а у Петра самый большой линейный корабль «Ингерманланд» числился длиной в сорок шесть метров. Но сейчас я тебе покажу ещё более интересную штуку. Только нам надо будет пройти краем обрыва возле стены по уже вытоптанной дорожке. Дело в том, не боишься ли ты высоты, а то представь: сорваться в овраг, хоть и не очень уж глубокий, но это было бы неприятно.

– Да, – согласилась Ирина, – приятного мало. Но ведь до нас здесь уже ходили такие же любопытные искатели приключений, значит, и мы проберёмся.

Так и получилось: с осторожными ахами и охами, с боязнью свалиться с кручи, наша парочка прошла-таки до конца тропы над обрывом, которая упиралась в другой каньон, но уже выложенный довольно большими фигурными плитами. Казалось, мастера древности выкладывали этот своеобразный орнамент специально для того, чтобы всеобщий рисунок, получившийся от этой выкладки, будил или путал воображение у смотрящих на него. Поначалу казалось, что выточенные плиты неправильных форм сложены по хотению какого-то тогдашнего футуриста-архитектора, но чем дальше человек всматривался в рисунок, тем отчётливее видел что-то таинственное, то есть открывал для себя новый смысл сознания.

– Ага, подействовало, – усмехнулся Дима. – Не ты первая, не ты последняя. Только заметь, что эти камни ничуть не похожи на тонкую керамическую плитку. Каждая часть этого рисунка – огромная гранитная глыба весом в пять-десять тонн. И такая стена построена всего-то для облицовки технического канала! Не надо ехать ни в какую Мачу-Пикчу. У нас своих античных прибабасов предостаточно.

– Думаешь, это строилось в античные времена? – озадаченно посмотрела на него Ирина. – Как же такое может быть?

– Ну вот мы и начали добираться до сути, а то порой проходим мимо кричащих исторических артефактов, а глаза настолько замылены, что отказываются видеть и воспринимать очевидное.

– То есть как?

– А вот так! – Дмитрий снова указал на замысловатую кладку стены. – Так не обточить гранит ни на каком современном станке. Просто таких машин при нашем современном уровне развития просто не существует.

¹⁰ Сажень, или сажень (сяжень, саженка, прямая сажень) – старорусская единица измерения расстояния. В XVII веке основной мерой была казённая сажень (утверждённая в 1649 году «Соборным уложением»), равная 2,16 метра и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков. Во времена Петра I русские меры длины были уравнены с английскими.

– То есть, – перебила его Ирина, – возвращаемся к недавнему высказыванию «Старинный город не Петра»?

– Именно так! И только так! Мы здесь скоро дойдём до крепостной стены, которая тянется по городу длиной в несколько десятков километров. И там такая же история. Только камни стены не создают колоритный рисунок, как здесь, а собраны, будто огромный великан раскатал меж ладоней много-много кусочков пластилина, сложил их вместе, аккуратно обрезаю стену с той и другой стороны, а потом эти кусочки застыли и превратились для нас в многотонные фигурные части общей стены. Во всяком случае, я бы представил всё именно так, потому что нигде в природе и даже в том же Мачу-Пикчу нет таких своеобразных сооружений. Кстати, стену-то и не разобрали только потому, что такие «кирпичики» ничем современным выковырять невозможно.

– Может быть, в древности у наших предков было умение разжижать гранит? – предположила Ирина.

– Ну да, я об этом же говорю, – кивнул Дмитрий. – Только не разжижать, а заливать гранитную смесь в опалубку и потом, когда камень застывал, он становился обыкновенным гранитом, только необыкновенно уложенном в таком не обыкновенном сооружении, как крепостная стена или эта техническая сторона гидросооружения. Причём, гранитных рудников поблизости не имеется, а этот камень чаще всего используется в строительстве городских зданий и даже мостовых. Не обращала внимания?

– Нет, я как-то не задумывалась. Сам сказал, что у многих глаза просто замылены.

– Ах, ну да, – улыбнулся Дмитрий. – Тогда, если мои наблюдения интересны, я могу показать под другим ракурсом наш город, а здесь сможем посетить ещё несколько фортов, которые тоже стоит посмотреть, чтобы создать для себя историческую картину прошлого. Ведь только у того человека есть будущее, кто бережёт своё прошлое. Осторожней!!

Этот крик вырвался у Дмитрия непроизвольно, потому как Ирина, заслушавшись рассказчика, пыталась перепрыгнуть с гранитного валуна на такой же валун, которые валялись здесь в разных местах. Но прыжок девушке не удался, и она в лучшем случае преобольно бы ударилась о камни, если бы Дмитрий проворно не подскочил к ней и не поймал бы её налету. Девушка инстинктивно схватила его руками за плечи, и они на несколько минут застыли так посреди каменных развалин. Парень непроизвольно встретился с глазами девушки, вздрогнул и даже чуть не оступился, но смог удержаться на ногах.

– Глаза их встретились, и они, конечно же, полюбили друг друга, – усмехнулась Ирина, вспоминая какую-то детскую сказку и тут же перефразируя её.

Этим она поставила своего приятеля в ещё более неловкое положение, но он не нашёл ничего лучшего, как просто поцеловать ухмыляющуюся насмешницу. Поцелуй даже немного затянулся, так как Ирина не хотела отталкивать кавалера. Собственно, он тоже не стремился отпускать попавшуюся ему в сети русалку. Волосы на голове девушки таили в себе странную смесь из запахов морских водорослей, лаванды, жасмина и морского ветра. Впрочем, ветерок запутался в причёске девушки только что и решил разбавить своим присутствием этот тёплый солнечный день, но неожиданно не смог вырваться из крепких рук подхватившего девушку мужчины-спасителя.

– Ну, может, ты всё же отпустишь меня? – подняла Ирина на него глаза. – Да-да. Конечно. Просто... – Что просто?

– Я посмотрел в твои глаза и удивился, – принялся оправдываться Дмитрий. – Мне показалось, что они сверкнули каким-то неземным светом.

– А если не показалось?

Судя по всему, Дмитрий от происшедшего почему-то сконфузился, хотя поцеловал девушку не просто так. Он явно нравился ей. И она ему. Недаром они оба непроизвольно перешли на «ты», даже не замечая этого. Ирине нравилось замешательство её друга, но она

не собиралась потакать своему кавалеру. Уступчивость женщин всегда расценивается мужчинами, как полная безоговорочная победа, хотя всегда и везде выбор остаётся за женщиной. Девушке нравилось наблюдать, как триста тридцать три эмоции стараются ужиться в голове парня.

С её стороны никакого ответа на поцелуй не последовало: ни картинной девичьей агрессии, ни покорности смирения со случившимся. Именно это и обескуражило Диму, хотя он сам от себя не ожидал такой смелости. К тому же, этот огненный взгляд, который на сотую долю секунды увидел он в глазах девушки. Но... что случилось, то случилось. Или, как говорят в народе, что с возу упало, то не вырубишь топором. Психологи всегда с разных сторон рассматривают возникновение поцелуя, особенно когда этого ожидают обе стороны, только никогда и никто не старается учесть, что всё делается во имя Любви. Нет, вовсе не той, когда женщина и мужчина принимаются нетерпеливо срывать друг с друга одежды, а уже потом он обязан сказать, дескать, «ты такая необыкновенная» и «я тебя ни на кого не променяю!» А с её стороны – «у меня никогда таких великолепных мужчин не было и не будет, потому что я не хочу менять тебя ни на кого на всём белом свете!». Признаться, эти проходные фразы очень часто стали такими дежурными и часто употребляемыми, что в Божественную Любовь опять многие просто перестали верить, как это уже случалось миллионы раз на протяжении веков. Мало кто задумывается над самим понятием «Любовь». Действительно, а что это такое? Когда за любовь выдают стремление к безраздельному обладанию чем-то или кем-то, то часто этот искатель очень удивляется, когда слышит от своего предмета почитания и «любви» какое-то непохожее и даже чуждые его восприятию мысли. Тогда в голове сразу проскакивают досужие мысли: Ба! Да она (или оно) ещё и разговаривать умеет?! Но когда отбрасывается прочь всё это никчёмное стремление осознания «моё-моё!» и вместо этого возникает цель, как, допустим, Христоцентричность мира, тогда человек уже не ищет что-либо для себя-любимого, а старается поделиться обыкновенной человеческой радостью. И, если эта радость находит место в предмете любви, то в ответ искатель получает много больше. Скажем, всё то, чем с ним могут поделиться, и у него голова начинает кружиться под волнами такого необыкновенного чувства.

На этот раз между нашими путешественниками возникла именно это чувство предоставить радость друг другу. Ни за что! Просто так. Вот отсюда и возникает настоящая Божественная Любовь, которая сможет и горы сдвинуть, и звёзды с неба достать, и планету перевернуть, если потребуется.

Ирина из-под полуопущенных век следила за своим парнем, но он, к счастью, вскоре справился со своим замешательством и решил ознакомить девушку с дальнейшими грандиозными планами, намеченными им на сегодня:

– Если ты не возражаешь, отсюда мы проедем по некоторым фортам. Мы попробуем высадиться на «Чумном форте», заглянем в форт «Павел I», посмотрим оплавленный кирпич на форте «Граф Милютин» и на некоторых других фортах.

– Зачем? – подняла Ирина глаза на своего личного экскурсовода. – Ты не подумай ничего нехорошего. Я действительно благодарна тебе за то, что ты притащил меня сюда. Мне это действительно интересно, но, может быть, перекусим где-нибудь и чем-нибудь, а то я уже проголодалась.

– Не вопрос, – кивнул Дмитрий и повёл путешественницу такими же непроходимыми тропами к выходу из «Петровских доков», которые, если были таковыми, прятал кто-то от глаз туристов за колючими проволоками, оградами и замками. Зачем?

Выйдя в город, Дмитрий уверенными шагами направился в сторону парка «Остров фортов», где на его окраине приютилось кафе «Венто ди кода».

– Знаешь, мы сейчас возьмём штурмом кафешку, которая, мне кажется, лучше всего нам сегодня подходит. К тому же, здесь недалеко Каботажная гавань, откуда нас смогут прокатить по фортам. Не возражаешь?

Ирина, конечно же, не возражала и доверилась другу, надеясь на его чуткость и понимание. Всё прошло, как нельзя лучше. В кафе оказалось хорошее меню, где было много блюд из рыбы и морепродуктов. Особенно Ирину поразило блюдо, носившее странное заволаживающее имя «Хвост дьявола». После недолгих сомнений девушка всё-таки заказала себе это блюдо, но прежде навела справки у официанта о составе этого кушанья. Рыба, получившая такое прозвище, водилась большей частью в Атлантике, но и в Балтийском море она иногда попадалась в тралы рыбакам.

Дима тоже оказался поклонником морских даров, и перекусили они на славу.

Потом Дмитрий договорился с местными моряками, и те на довольно вместительной морской шлюпке повозили нашу парочку по необыкновенным фортам, составляющим вместе с островом Котлин своеобразную морскую линию, за которой уже начиналось настоящее Балтийское море, а позади до самого Санкт-Петербурга пространство более сорока километров было занято Маркизовой лужей.

– Вот я и говорю, – Дмитрий не уставал показывать девушке стоящие посреди синя-моря форты и рассказывать их происхождение. – Нам говорят, что форты строились на ряжах. То есть за зиму набивали сколоченную деревянную клетку камнями, весной лёд таял, и такая ряжа погружалась на дно, создавая основу будущему фундаменту. Но никто и никогда не упоминает, что если соединить все существующие форты одной линией, то произвольно возникает мысль, что это бывшая городская стена древнего города Винета, а форты – её сторожевые башни. Недаром Пётр не смог со своей морской флотилией пробиться в город и пришлось придумывать ухищрения.

– Пётр Первый? – опешила Ирина. – Но как же тогда город Петра?

– Ах, ты про общепринятую версию? Но она не выдерживает никакой критики. Вспомни: в Древнем Риме тоже был почитаемый Святой Пётр, и даже храм его существует по сегодняшний день. Я бы сказал, что по структуре он очень напоминает наш Исаакиевский собор. Не находишь?

– Действительно, – пробормотала Ирина, в уме примеряя друг к другу картинки итальянского и русского соборов. – Просто я как-то раньше и не думала их сравнивать.

– Почему?

– Да потому, что Исаакий – это наш, русский, православный собор, а Петра и Павла – что-то чужое, забугорное. Я не права?

– Да нет, наверное, – хмыкнул Дима.

– Постой, постой, – не отставала от него Ирина. – Ты хотел сказать «да», «нет» или «наверное»? Давай уточним!

– Ну ты даёшь! – ахнул Дмитрий. – Надо же, из-за каких-то архитектурных сравнений ты меня сразу на лопатки стараешься опрокинуть. Причём Пётр сразу в сторону отбегает, то есть действует то самое «Окно Овертона»¹¹, когда желаемое выдаётся и утверждается, как действительно существующее? А как же тогда настоящая история?

– Да нет, наверное, – машинально повторила за собеседником Ирина. – Я ни от каких исторических фактов не открещиваюсь, просто...

Девушка вдруг остановилась, осмысливая уже сказанное, посмотрела на друга, и в следующую секунду они оба громко расхохотались. Владелец моторной шлюпки, согласившийся отвезти путешественников в несколько фортов, даже обернулся на их хохот, но ничего не сказал, только мотнул головой и снова занялся своим делом.

Впереди был Чумной форт, где оплавленные внешние гранитные стены не оставляли равнодушным никого из посетителей. Возможно потому, что гранит не мог расплавиться от обыч-

¹¹ Окно Овертона – это методика воздействия на разум общества, разделенная на 6 этапов: «Немыслимо», «Радикально», «Приемлемо», «Разумно», «Популярно», «Государственная норма».

ного огня или даже взрыва динамита, в Чумной форт въезд был очень ограничен. Но Дмитрий сумел договориться с владельцем морского транспорта, который знал все ходы и выходы в различные форты, близлежащие к острову Котлин. Поэтому он посоветовал ребятам посетить форт Павел I, где по всему островку раскиданы огромные гранитные блоки, будто дети какого-то великана разбросали свой конструктор Лего, да так и не убрали за собой. А всё, что там уцелело, была небольшая кирпичная башня, расколотая пополам, будто списанная с одной из картин руиниста Пиранези. А ещё поражал воображение оплавленный кирпич на форте Граф Милютин, будто кирпич когда-то превратился в жидкий шоколад и стекал по стенам сладкими коричневыми струями. Представить невозможно, сколько градусов по Цельсию или Фаренгейту присутствовало в бушевавшем огне на территории всего барьера фортов или бывшей городской стены древнего морского порта.

Но, если Рэй Бредбери предполагал, что при температуре 451 градус по Фаренгейту, которая равняется 232,777 градусов по Цельсию, можно расплавить не только кирпич, а даже сознание человека, то, вероятно, именно такая температура присутствовала при пожаре, пробежавшемся когда-то по всем фортам.

Только вся эта температура оставалась пока ещё вне сознания, а всё потому, что на острове Граф Милютин, исследуя подвалы с потёкшим как шоколад кирпичом, её приятель вдруг встал посередине останков крепости, возвёл руки к небу и утробным голосом возгласил:

– Ар-эх-ис-ос-ур.

– Ой, что это? – искренне удивилась Ирина.

– Это призыв или, если хочешь, обращение к Вечности, чтобы высшие силы оградили бы нынешнее человечество от такого испытания огнём¹².

– Ты вправе просить Всевышнего о спасении человечества?

– Да, – кивнул Дмитрий. – И не только я. Каждый из нас, ещё живущих в этом мире, должен поступать так же. Только тогда мы сможем сделать хоть что-нибудь для спасения мира от очередного всемирного пожара или потопа.

¹² Магические слова «ар-эх-ис-ос-ур». Такова священная формула вечности.

Глава 4

Этот день выдался тёплым, но пасмурным. Кучерявые тучи кружились по небу над всем Питером, не давая места солнечной радости и бесшабашной лёгкости морского бриза. Такие погодные условия Володя любил больше всего на свете, потому что народу на улицах было намного меньше, никто не приставал со своими проблемами и можно было просто посидеть в своём любимом уголке, скрытом от посторонних излишне любопытных глаз, где у него состоялась первая встреча с Германом Агеевым.

Через этот же двор можно было по подвалу проскочить на Митаевский переулок, а оттуда такими же дворами на Сапёрный. То есть питерские дворы часто выручали настоящих пацанов, когда надо было удирать от ментов. Правда, некоторые из участковых знали все дворовые входы и выходы, но, к счастью, в общих облавах участковые были задействованы крайне редко.

Тем не менее, питерская шпана любила заветные дворики, где были свои смотрящие, свои авторитеты и даже свои стукачи и сексоты. Собственно, новое слово «сексот» ещё не укрепилось в русском языке и многие его просто не знали. По разным своим проблемам и другим поводам пацаны собирались иногда на сход. Это, конечно, не настоящий воровской сходняк, но очень было похоже, потому что питерские пацаны старались с детства копировать поступки старших, а ворья после победы исторического материализма хватало, особенно в Питере. Что подделаешь, если большевистское «отнять и разделить» очень понравилось большинству молодого поколения, особенно трусоватым и подленьким. Таким был, к сожалению, наш Володя. В Питер он приехал десятилетним мальчиком, то есть уже со сложившимся отвратительным характером. А трусость и мечты отомстить у него привились в очень раннем возрасте от постоянных побоев отчима в грузинской деревеньке Метехи. Собственно, грузинской она могла назваться только с большой натяжкой потому, что девяносто пять процентов населения этой деревеньки были из еврейского рода эбраелей.

Не сказать, что это племя нисколько не огрузинилось и не обрусилось, но евреи есть евреи, поэтому посёлок жил и развивался по-своему.

Так было во все века и во всех странах. Вероятно, пришлые евреи ничего больше не умели, как превращать коренное население любой страны в вечных должников, куда бы они ни попали. Но отчим маленького Володи даже обманывать ради денег не научился из-за нездорового увлечения спиртным. Поэтому хороший солдатский ремень, а то и кулачное подтверждение были для маленького человека ежедневной воспитательной нормой. Но когда Володе исполнилось десять лет, мечты о дерзком отмщении обидчику начали обретать норму. Мальчик, завязав узлом концы синей расстёгнутой рубашки, взял в сарае ножовку и подпилил сидение в деревянном туалете, стоящем во дворе дома. Не трудно представить, что первым же пострадавшим, провалившимся в выгребную яму, стал отчим Володи. Его матери Вере Николаевне пришлось прятать мальчика у соседей от неминуемой расправы, но быстренько раздобыв денег, она отвезла мальчика на Урал к своим дальним родственникам, а те переправили его к лишившимся детей ленинградцам. Поэтому новая мама Володи сама привела его на сборище дворовых и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.